

ХОЗЯЙСТВО И СИСТЕМА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ БАЙРЫКСКО-ЛЫБАЕВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО И ПОДТАЕЖНОГО ПРИТОБОЛЬЯ (эпоха энеолита)

Е.Н. Волков

Статья посвящена реконструкции хозяйства и системы землепользования носителей энеолитической байрыкско-лыбаевской культуры Тюменского Притоболья. Для решения поставленной задачи использован алгоритмический принцип, заключающийся в последовательном применении результатов нескольких самостоятельных этапов, базирующихся на сочетании методов гуманитарных и естественных наук. Удалось установить, что хозяйство и система землепользования носителей культуры претерпели эволюцию от ранней стадии развития традиции к поздней, а также имели особенности в различных природно-географических зонах.

Энеолит, байрыкско-лыбаевская культура, андреевская культура, Притоболье, лесостепь, подтайга, южная тайга, спорово-пыльцевой метод, этнография, полевые наблюдения, трасология, поселение, могильник, святилище, остеология, ландшафт, гидрологическая приуроченность, геоморфология, терраса, останец, Андреевские озера, Ингальская долина, обские угры, супесь, суглинок, почва, ландшафт, изменение климата.

Одними из малоисследованных вопросов археологии Тюменского Притоболья являются хозяйство и система землепользования носителей энеолитических культур. Сложившееся положение обусловлено относительно слабой изученностью периода и естественными причинами, основная из которых — плохая сохранность остеологического материала.

Попытки реконструкции хозяйства носителей «медно-каменных» традиций предпринимались. В результате работ по андреевской культуре В.Т. Ковалева сделан вывод о ведущей роли рыболовства. Основанием послужили массовость грузил и присутствие рыбьей чешуи в постройках, а также особенности гидрологической приуроченности памятников [Ковалева, 1995]. Определенные изыскания проделаны и автором данной статьи применительно к северной лесостепи, значительная часть которой входит в комплекс Ингальская долина [Волков, 2005, 2007]. Однако целостного представления о предмете исследования нет.

До последнего времени считалось, что в регионе существовали три культуры: липчинская, андреевская и шапкульская (см., напр. [Старков, 1980; Ковалева, 1995]). Сегодня установлено отсутствие чистых липчинских памятников и шапкульских комплексов в лесостепи [Волков, 2002, 2005, 2007], где наряду с андреевскими отмечены памятники, получившие название лыбаевских [Там же]. Параллельные работы в подтайге и южной тайге позволили В.А. Заху выделить байрыкскую культуру [2006, 2009]. Дальнейшие исследования показали идентичность байрыкских и лыбаевских комплексов, что позволило объединить их в байрыкско-лыбаевскую культуру [Волков, 2009]. Шапкульские материалы подтайги и южной тайги рассматриваются нами в рамках раннего этапа байрыкско-лыбаевских древностей [Там же]. Таким образом, в Притоболье развивались две культуры: байрыкско-лыбаевская и андреевская. Их синхронное развитие происходило на протяжении III тыс. до н.э. Ранние байрыкско-лыбаевские группы конца IV – начала III тыс. до н.э. не имели инокультурных конкурентов [Волков, 2007, 2009].

В регионе выделяются три ландшафтные зоны: северная лесостепь, подтайга и южная тайга. Наиболее полно историко-культурная картина изучена в лесостепи и подтайге, слабее в южной тайге.

Реконструкция климата производилась на основе спорово-пыльцевого метода [Зах, Рябогина, 2005]. Финал атлантического периода (5300–5000 л.н.), когда формировались и развивались ранние байрыкско-лыбаевские комплексы, характеризовался дефицитом увлажнения и увеличением лугово-степных участков. Леса сохранялись в поймах и на низких террасах, в них доминировала береза. Ландшафты современной северной лесостепи были сопоставимы с южно-лесостепными. Подзона подтайги сократилась [Там же, с. 90–91]. Умеренное похолодание

произошло 5000–4500 л.н. Уровень увлажнения был близок к современному. Отмечено восстановление березовых лесов с примесью ольхи, продвижение на юг сосны и кедра. Лесостепные ландшафты, однако, занимали часть современной подтайги [Зах, Рябогина, 2005, с. 91–92]. Следующее изменение климата совпало с серединой суббореального периода (4500–3200 л.н.), фиксируются теплые и сухие условия. Происходило постепенное обмеление водоемов, деградация лесов, смещение ареала сосны на север. Основу ландшафтов составляли остепненные луга и луговые степи. Леса сохранялись в долинах рек и по берегам озер. Около 4100 л.н. отмечается заметное смещение природных зон на север [Там же, с. 92]. Приблизительно этим же временем датируется рубеж энеолита и начала бронзового века в Тюменском Притоболье [Волков, 2007].

Рассмотрим данные по хозяйству байрыкско-лыбаевской культуры по принципам хронологического положения и современной физико-географической приуроченности памятников.

Северная лесостепь

Медно-литейное производство. Ни один из известных памятников не содержит изделий из данного материала и следов их производства.

Сырьевые связи. Для объектов раннего этапа культуры (конец IV — начало III тыс. до н.э.) — могильник Бузан 3 [Матвеев др., 1997; Матвеев, Волков, 1999], поселения Липихинское 5 [Волков, Чикунова, 2006] и Сазык 9 [Усачева, 2002] — характерна широкая представленность предметов из яшмы сургучно-зеленой, розовой, светло(бело)-розовой¹. Происхождение подобного сырья связывается с Южным Уралом.

К переходному времени от раннего этапа культуры к позднему относится поселение Оськино Болото, где совместно с изделиями из сланцевых пород отмечается значительный процент орудий из яшмы².

Сырьевые связи позднеэнеолитического времени (первая треть — конец III тыс. до н.э.) [Волков, 2007] северной лесостепи частично реконструируются по материалам поселения Двухозерное 1 [Волков, 2002], с культурными отложениями которого связаны орудия из сланцев, видимо, имеющих среднеуральское происхождение.

Охота. Диагностируется лишь по факту нахождения наконечников стрел и наличию в коллекциях орудий кожевенного производства, выявляемых посредством трасологического анализа. Репрезентативная серия подобных наконечников происходит с площади могильника Бузан 3 [Матвеев и др., 1997]. В этой же коллекции, единственной из выборок северолесостепных памятников, подвергшихся трасологической обработке, обнаружена серия орудий для обработки шкур³. Для памятников позднего этапа культуры подобных данных пока нет.

Рыболовство. Прямыми реперами рыболовства выступают грузила и фиксация рыбьей чешуи в слое. На ранних объектах находок чешуи не отмечено. Грузила происходят с могильника Бузан 3, поселений Липихинское 5 и Сазык 9, но достоверно с данным периодом соотносятся лишь стержневидные изделия поселения Сазык 9 [Усачева, 2002; Волков, 2009]. Интересен памятник Оськино Болото, где обнаружены скопления чешуи, жаберные крышки рыб⁴ и фрагменты 3–4 грузил. На поселениях позднего этапа культуры (Двухозерное 1, Старо-Лыбаево 7 и др.) найдены единичные грузила. На части объектов данных изделий нет [Волков, 2007, с. 74]. Грузила слабо представлены как на ранних, так и на поздних памятниках. Выразительные серии изделий происходят только с многослойных поселений, где в числе прочих компонентов представлены андреевские материалы [Там же].

Кожевенное производство и деревообработка. Документируются результатами изучения могильника Бузан 3. По сообщению С.Н. Скочиной, в коллекции преобладают орудия для обработки дерева. По объектам позднего энеолита подобные обобщения пока не произведены.

¹ Для Бузана 3 — по сообщению С.Н. Скочиной, обработавшей каменный комплекс памятника, за что автор выражает ей искреннюю благодарность, Липихинского 5 — по [Волков, Чикунова, 2006]. Среди археологов не сложилось единого мнения по поводу атрибуции ряда пород камня. В частности, сургучно-зеленую яшму часто именуют кремнем либо кремнистым сланцем. Нам приходилось сталкиваться и с интерпретацией светло-розовой яшмы как кремня. Не исключено аналогичное положение и в отношении поселения Сазык 9, значительная часть изделий которого, по сообщению автора статьи [Усачева, 2002, с. 107], изготовлены из сургучных пород.

² Информация о кремневом комплексе памятника не опубликована. Здесь приведены результаты осмотра автором данной статьи каменных изделий из энеолитического горизонта.

³ Сообщение С.Н. Скочиной.

⁴ Раскопки А.А. Ткачева 2009 г. Материалы не опубликованы. Видового определения рыб не производилось.

Подтаежная полоса

Медно-литейное производство. В настоящее время мы не имеем прямых данных о наличии предметов из меди в этой полосе региона.

Сырьевые связи. На памятниках раннего этапа культуры — объекты 12–15 поселения Плотинное, ЮАО 8, Чепкуль 21 — преобладают орудия из качественных пород: светло-розовая, темно-розовая, сургучно-зеленая яшма и др. [Ткачев, Волков, 2010, с. 34, табл. 3; Ковалева, 1977, с. 94; Зах и др., 2005, с. 33–38]. На позднеэнеолитическом⁵ святилище Велижаны 2 сохраняются изделия из сургучно-зеленой и розовой яшмы, репрезентативны предметы из плитчатого сланца, кварцита, песчаника и туфа [Дрябина, Скочина, 2005].

Охота. По наконечникам стрел диагностируется для раннеэнеолитических комплексов — Чепкуль 21 [Зах и др., 2005], ЮАО 8 [Ковалева, 1977], Плотинное [Ткачев, Волков, 2010], Курья 1 [Волков, 2010] и др. Косвенными данными о наличии отрасли является выборка скребков по шкуре могильника Чепкуль 21 [Зах и др., 2005]. Наконечники стрел найдены и на ряде позднеэнеолитических памятников: могильник на Андреевском острове [Зах и др., 1991], святилище Велижаны 2 и др. Наличие отрасли подтверждается серией орудий для обработки кожи и мясных ножей святилища Велижаны 2 [Дрябина, Скочина, 2005, с. 28].

Рыболовство. Факты обнаружения рыбьей чешуи как на ранних, так и на поздних памятниках не известны. Грузила отмечены на всех исследованных памятниках раннего энеолита: Чепкуль 21 [Зах и др., 2005, с. 34, табл. 2, 3], ЮАО 8 [Ковалева, 1977, с. 99–100]⁶, Курья 1 (ранний комплекс) [Волков, 2010]. Выборки более репрезентативны, чем в северной лесостепи. В позднем энеолите грузила известны на большинстве исследованных объектов: Плотинное (поздний комплекс), Курья 1 (поздний комплекс), Велижаны 2, могильник на Большом Андреевском острове [Ткачев, Волков 2010; Дрябина, Скочина, 2005; Зах и др., 1991] и др. По материалам Курья 1 отмечено сокращение числа грузил от раннего этапа культуры к позднему [Волков, 2010]. Коллекция Плотинного показывает, что основная часть изделий связана с андреевскими и «раннебронзовыми» отложениями.

Кожевенное производство и деревообработка. Для раннего энеолита данные отрасли диагностируются по материалам могильника Чепкуль 21 [Зах и др., 2005], для позднего — коллекцией каменных изделий святилища Велижаны 2 [Дрябина, Скочина, 2005].

Южная тайга

Медно-литейное производство. В настоящее время нам не известно памятников, в коллекциях которых присутствуют изделия из меди.

Сырьевые связи. Для раннего этапа культуры — поселение Шапкуль 1 — отмечается преобладание качественных пород камня, представленных яшмой [Старков, 1980, с. 162]. Единственный позднеэнеолитический объект, включенный в обработку, — поселение Чечкино 2 (поздний слой) демонстрирует преобладание предметов из кремнистых пород [Зах, 2002, с. 27].

Охота. В эпоху раннего энеолита документируется наконечниками стрел поселений Шапкуль 1 и Малый Барашек 1 [Старков, 1980], в позднеэнеолитический период — аналогичными предметами из вторичного заполнения жилища 1 поселения Чечкино 2 [Зах, 2002, с. 27].

Рыболовство. Рыбьей чешуи ни на одном из рассматриваемых объектов не обнаружено. Глиняные грузила фиксируются лишь в отложениях памятников, соотносимых с поздним энеолитом.

Кожевенное производство и деревообработка. В связи с тем что коллекции объектов данной ландшафтной полосы не подвергались трасологическому изучению, мы не имеем убедительной информации относительно рассматриваемых отраслей хозяйства, их развитие можно лишь предполагать по аналогии с памятниками лесостепи и подтайги.

Рассмотрим данные для реконструкции системы землепользования.

Северная лесостепь

Данные картографии. Наиболее подробно такая работа проведена для Ингальской долины [Волков, 2007]. Особенности локализации объектов раннего и позднего энеолита совпадают. Основное число памятников сосредоточено на останцах первой надпойменной террасы и ко-

⁵ На основании широкой представленности гребенчато-ямочной посуды.

⁶ Опубликованные материалы не исключают возможности многослойного характера поселка в пределах эпохи энеолита [Волков, 2009].

ренной террасе р. Ук с гипсометрическими показателями 59,0–62,0 м [Волков, 2007, с. 12]. Современная ландшафтная локализация: плотные смешанные леса — 50 %, колки и осветленные березовые леса — 28,6 %, пограничье лесов и луговин — 21,4 % [Там же, с. 12, табл. 2]. Гидрологическая приуроченность — старицы и малые реки. Памятники расположены плотными скоплениями в северной части долины [Там же].

Особенности поселений и жилищ. Затрудняет реконструкцию отсутствие полностью исследованных поселений.

Количество жилищ в поселках. Реконструируется лишь предположительно, по результатам разведок. Примерами долговременных поселений можно считать однослойные памятники Лебяжий Борок 12 и 17 (см., напр. [Матвеев и др., 1997]), на которых отмечено по семь западин [Волков, 2007]. На частично исследованных поселениях Нижнеингальское 3а [Волков, Матвеева, 2001] и Липихинское 5 [Волков, Чикунова, 2006] могло существовать не более одного-трех жилищ, о чем свидетельствуют размеры памятников и площадь распространения находок. На поселении Двухозерное 1 [Волков, 2001] функционировало не более пяти жилищ⁷. Не менее четырех построек существовало на Оськином Болоте⁸.

Площадь и глубина котлованов жилищ раннего энеолита не отличаются значительными показателями: площадь не более 20–25 м², глубина от 0,5 до 1,1 м [Усачева, 2002; Волков, Чикунова, 2006]. В позднем энеолите незначительно, до 25–30 м², возрастают размеры построек, отмечается уменьшение глубины котлованов до 0,2–0,3 м [Волков, 2002; Волков, Матвеева, 2001; Волков, 2007]. На рубеже раннего и позднего энеолита появляются двухкамерные жилища — Оськино Болото, жил. 11.

Наличие-отсутствие очагов. Очаги известны только в постройках переходного времени от раннего энеолита к позднему либо в позднеэнеолитических объектах: Нижнеингальское 3а, Оськино Болото (жил. 11) [Волков, Матвеева, 2001; Ткачев, Волков, 2007].

Контрастность и насыщенность слоя археологическим материалом. Памятники отличаются бледной окраской слоя и слабой насыщенностью находками [Волков, 2007].

Подтайга

Данные картографии. Разновременные памятники находятся в однотипных условиях. Гипсометрические отметки низкие: 54–62 м. Большинство объектов расположено на озерных и бортовых террасах. Свыше 65 % поселков локализовано в смешанных лесах, остальные — около 35 % — на луговых пространствах и в их пограничье с лесами. Расположение памятников более кучное, чем в Ингальской долине. Если в Тоболо-Исетье из 49 объектов⁹ байрыкско-лыбаевскую атрибуцию получили 28, то в подтайге из 110 объектов¹⁰ — 46.

Особенности поселений и жилищ. Единственным полностью изученным памятником является поселение ЮАО 8 [Ковалева, 1977].

Количество жилищ в поселках. На поселении ЮАО 8 изучено шесть жилищ [Там же]. Число синхронных построек поселения Курья 1, вероятно, не превышало 2–3 [Волков, 2010]. На позднеэнеолитическом поселении Плотинное [Ткачев, Волков, 2010] могли существовать не более двух-трех построек.

Площадь и глубина котлованов жилищ. Ранние жилища поселения ЮАО 8 отличаются значительными размерами: от 30 до 64 м². Глубина построек варьируется от 0,3 до 0,6 м [Ковалева, 1977, с. 89–91]. Частично исследованное позднеэнеолитическое строение поселения Чепкуль 5 (по отчету 2008 г. С.Н. Скочиной) могло иметь площадь около 25–35 м², глубину 0,25 м.

Наличие-отсутствие очагов. Очаги отмечены только в раннеэнеолитических постройках ЮАО 8.

Контрастность и насыщенность слоя археологическим материалом. Культурный слой ЮАО 8 не отличается контрастностью — светло-серая супесь [Ковалева, 1977, с. 90, рис. 1]. Синхронный памятник — Курья 1 характеризуется хорошей окрашенностью напластова-

⁷ Все пять западин оставлены носителями боборыкинской культуры. Чистых энеолитических западин не отмечено. На боборыкинское жилище 1 наложилась меньшая по площади и глубине байрыкско-лыбаевская постройка. В жилище 2 подобного наложения нет [Волков, 2001].

⁸ Судя по морфологии построек, по крайней мере одна из них являлась хозяйственной.

⁹ Надежной культурной атрибуции не получили 14 памятников, носителями андреевских древностей оставлено 12 объектов.

¹⁰ Не атрибутировано культурно 33 объекта, остальные относятся к андреевской культуре.

ний. Отложения позднеэнеолитического поселка Плотинное не контрастны. Степень насыщенности слоя ранних и поздних памятников не высока.

Южная тайга

Данные картографии. Большинство объектов приурочены к низким отметкам и расположены на берегах озер. Известны памятники на речных террасах. Как правило поселки находятся в лесах. Корректных сведений о кучности расположения объектов нет. Можно предполагать, что данный показатель близок к подтаежному.

Особенности поселений и жилищ. Полностью изученных раскопками объектов нет.

Количество жилищ в поселках. Косвенные данные позволяют предполагать, что часть поселений эпохи раннего энеолита состояли из значительного числа построек: Шапкуль 1 — семь западин, Малый Барашек 1 — шесть [Старков, 1980]. Вероятно, на большинстве памятников позднего энеолита функционировало небольшое число построек. С этим же временем соотносится появление первых наземных жилищ: Средний Баклан 1 (жил. 1) [Зах, Фомина, 1999], Ипкуль 1 [Волков, Белослудцев, 2005].

Площадь и глубина котлованов жилищ. Постройки раннего энеолита имеют значительные по площади и углубленности котлованы: Шапкуль 1 — 67,5 м² и 0,4–0,5 м, Малый Барашек 1 — 77 м² и 0,25 м. Размеры сооружений позднего этапа варьируются. Площадь наземного жилища поселения Средний Баклан 1 — более 100 м² [Зах, Фомина, 1999]. Значительные размеры, до 40–50 м², могли иметь сооружение 1 поселения Чечкино 2 и постройка на Юртоборе 21 [Зах, 2002, с. 26, рис. 1, 2; с. 33, рис. 8, 1]. Небольшая конструкция — около 15 м² изучена на Ипкуле 1 [Волков, Белослудцев, 2005]. Глубина котлованов варьируется от 0,1 м (Чечкино 2, жил. 2) [Зах, 2002, с. 28] до 0,6 м (Юртобор 21, жил. 1) [Там же, с. 32].

Наличие-отсутствие очагов. Очаги зафиксированы только в раннеэнеолитическом жилище поселения Шапкуль 1 [Старков, 1980].

Контрастность и насыщенность слоя археологическим материалом. Отложения памятников раннего энеолита контрастны: Шапкуль 1 — черные углистые, Малый Барашек 1 — темноокрашенный слой [Старков, 1980, с. 158, 164]. Поселения позднего энеолита демонстрируют слабую окрашенность слоя: Чечкино 2, Юртобор 21 — светло-серая супесь [Зах, 2002, с. 26, 28, 32, 34], Ипкуль 1 — серая супесь [Волков, Белослудцев, 2005, 48]. Насыщенность слоя материалом, как правило, невысокая.

Основываясь на данных, полученных при помощи археологического метода, можно заключить, что хозяйство байрыкско-лыбаевской культуры на всем протяжении ее развития во всех природно-географических областях базировалась на сходных принципах. С уверенностью диагностируются охота, рыболовство, деревообработка и кожевенное дело. Применительно к охоте отметим, что наконечники стрел, являющиеся ее прямыми индикаторами, обладают незначительными размерами, что предполагает их использование в промысле мелкой, главным образом боровой, дичи. Охоту на крупных млекопитающих можно предполагать по косвенным данным: судя по материалам последующей, «раннебронзовой» ташковской культуры, обычными трофеями ее населения являлись лось и северный олень [Ковалева и др., 2000, с. 79; Косинцев, 1999, с. 82, 83].

Рыболовство, в основном диагностируемое по глиняным грузилам, имело локальные особенности. По имеющимся материалам можно реконструировать лишь один вид промысла — сетевой. Отсутствие грузил на ранних памятниках культуры в южно-таежной полосе позволяет предполагать, что становление сетевого рыболовства в данной части культурного ареала произошло позднее, на рубеже раннего и позднего энеолита. Количество грузил невелико и значительно уступает показателям андреевских памятников, что, возможно, говорит о меньшей роли рыболовного промысла в хозяйстве носителей рассматриваемой культуры. Вероятно, байрыкско-лыбаевские группы использовали и другие способы лова рыбы (запорный и т.д.), которые по имеющимся материалам не выявляются.

Отсутствие следов металлургии на исследованных памятниках, на наш взгляд, не означает, что данной отрасли в экономике не было. Если вывод об отсутствии металлообработки для ранних памятников традиции может быть признан верным, то для позднеэнеолитического времени этот тезис не является бесспорным. Косвенными свидетельствами наличия отрасли выступают материалы сопредельных территорий, единичные медные изделия известны на памят-

Хозяйство и система землепользования байрыкско-лыбаевского населения...

никах аятской и липчинской культур горно-лесного Зауралья [Шорин, 1999, с. 8, 10]. Следы медно-литейного производства — тигли выявлены на андреевском поселении Притоболья Велижаны 1 [Асташкин и др., 1995]. С большой долей уверенности можно говорить, что и население позднего этапа байрыкско-лыбаевской культуры также познакомилась с навыками медно-литейного производства, которое, однако, не играло заметной роли в экономике.

Памятники раннего и позднего этапов культуры различаются и сырьевыми связями. Если в комплексах начального этапа энеолита четко прослеживается господство качественных пород яшмы, связанных с Южным Уралом, то на позднем этапе традиции происходит переориентация на менее качественные породы (кремнистые и плитчатые сланцы), происходящие со Среднего Урала.

Посредством археологического метода не диагностируется такая отрасль хозяйства, как собирательство, которая должна была играть существенную роль в экономике.

В отношении системы землепользования выявляются как общие, так и особенные черты носителей культуры, оставивших памятники в различных частях ее ареала и в разное время.

К общим относятся признаки, маркирующие высокую подвижность рассматриваемого населения: значительная плотность расположения поселений и недолговременность использования большинства из них, что диагностируется на основании слабой окрашенности слоя и относительно малой его насыщенности материалом. Отметим, что памятники большинства предшествующих и последующих традиций имеют контрастный слой, более насыщенный артефактами [Волков, 2007, с. 76, 77]. В пользу сказанного свидетельствуют и невысокие трудозатраты на возведение поселков, что нашло отражение в небольшом количестве жилищ на их территории, размерах построек и глубине их котлованов.

В то же время известен ряд памятников, демонстрирующих противоположную ситуацию. К их числу относятся ЮАО 8, Шапкуль 1, Малый Барашек 1 и, возможно, Лебяжие Борки 12 и 17. На данных объектах фиксируется до семи жилищных западин, а площадь ряда сооружений превышает 70 м². Памятники, сомнения в однослойности которых минимальны (ЮАО 8, Шапкуль 1, Малый Барашек 1), соотносятся с ранним энеолитом и расположены в современной подтайге и южно-таежной полосе.

Сказанное, на наш взгляд, свидетельствует, что у населения байрыкско-лыбаевской культуры существовало два вида поселений: долговременные зимние и сезонные, эксплуатировавшиеся менее продолжительное время. Незначительное число построек, в два и более раза, уступающее количеству жилищ на стационарных объектах, их меньшая площадь, отсутствие очагов предполагают, что коллектив, эксплуатировавший подобные объекты, отличался меньшим количественным составом. Вероятно, с наступлением теплого времени года община, проживавшая в большом зимнем поселке, разделялась на две-три части, каждая из которых до наступления холодов вела обособленное существование. За это время подобные коллективы сменяли несколько сезонных поселков, совершая круговые маршруты, заканчивавшиеся в стационарном поселении. На следующий год цикл повторялся.

Определенные различия в системе эксплуатации территорий фиксируются в хронологическом и ареальном планах. Складывается впечатление, что ранние байрыкско-лыбаевские группы обладали большей оседлостью по отношению к своим преемникам. В пользу этого свидетельствует факт более значительных трудозатрат на строительство поселков и сооружений на их площади. Так, все известные объекты, синхронность отложений которых в рамках энеолита вызывает наименьшие вопросы, относящиеся к стационарным поселениям, датируются начальным периодом медно-каменного века. Площадь жилищ и глубина их котлованов отличаются большими размерами по отношению к объектам позднеэнеолитического времени. Согласно этнографическим данным, норма площади пола, приходящаяся на человека, составляет от 4 до 6 м² (см. напр. [Ковалева, 1997, с. 49, 50]). Исходя из этих показателей в поселках (ЮАО 8, Шапкуль 1, Малый Барашек 1) могло проживать 35–50 чел. Логично, однако, остановиться на минимальном значении.

Косвенным подтверждением тезиса о меньшей подвижности ранних байрыкско-лыбаевских групп по отношению к популяциям позднего этапа выступают и особенности историко-культурной ситуации. Население раннего этапа культуры не имело конкурентов в лице носителей андреевской традиции [Волков, 2007, с. 46]. Появление здесь последних на рубеже раннего и позднего энеолита привело к необходимости разведения экономических интересов конкурирующих сторон, выразившегося в отказе от использования части «кормящих ландшафтов» [Там же, с. 79].

Единственным обстоятельством, негативно сказывающимся на жизнедеятельности ранних байрыкско-лыбаевских групп, являлась аридизация климата [Зах, Рябогина, 2005, с. 90, 91], сопряженная с сокращением хозяйственно-экологической ниши населения — плотных смешанных лесов. Указанный фактор также предполагает несколько меньший количественный состав ранних популяций по отношению к позднеэнеолитическому населению, существовавшему в благоприятных природных условиях. В позднем энеолите рост численности носителей культуры сдерживало в основном появление в Притоболье андреевских групп населения.

Определенные несоответствия прослеживаются и в системе землепользования носителей традиции, проживавших в различных ландшафтных районах региона. Современное ландшафтное членение не соответствует реалиям эпохи энеолита. Границы ландшафтных зон в рассматриваемое время были подвижны и не совпадали с современными [Зах, Рябогина, 2005], что предполагает определенную условность проекции существующей приуроченности памятников на особенности того времени. Вместе с тем точных границ смещения ландшафтных зон применительно к нескольким этапам трансформации природной системы в энеолите не установлено. Следует признать, что последствия смещения природных границ наиболее сильно ощущались в лесостепи — самой ограниченной в ресурсном отношении части Притоболья, гораздо слабее — в подтайге и южной тайге. Исходя из сказанного нам приходится оперировать современными ландшафтно-экологическими параметрами.

Имеющиеся материалы позволяют предполагать большую мобильность групп северной лесостепи по отношению к современникам, проживавшим в подтайге и южной тайге. В пользу этого, особенно применительно к началу энеолита, свидетельствует факт существенного сокращения лесов, являвшихся преимущественным местом проживания данных групп и их основным «кормящим ландшафтом». Сокращение лесных угодий, безусловно, способствовало уменьшению популяций промысловой фауны (боровой дичи и отдельных видов представителей копытных), являвшихся значимой частью рациона питания. Логично, что это повлекло за собой укрупнение радиуса охотничьих угодий и, следовательно, территории, контролируемой отдельной общиной. Отмеченный природный процесс мог сказаться и на некотором увеличении доли рыболовства в экономике. Вероятно, схожие изменения происходили в подтайге и южно-таежных областях, однако в силу относительно благоприятных природных условий ощущались не так остро.

Еще одним косвенным свидетельством более значительной подвижности лесостепного населения, как раннего, так и позднего, являются особенности поселений. Здесь преобладают поселки, состоящие из двух-четырех небольших по площади жилищ — 20–25 м². Население такого поселка могло составлять от 10 до 16 чел., наиболее приемлемый показатель — 11–13 чел. Следует, однако, подчеркнуть, что все известные лесостепные памятники по своим характеристикам могут быть соотнесены с сезонными поселениями, функционировавшими в теплый период года. С открытием и последующими раскопками стационарных поселков представления о специфике землепользования рассматриваемых групп могут корректироваться.

Выявленные особенности способны пролить дополнительный свет и на экономическую систему культуры. Так, высокая мобильность населения свидетельствует о большой роли охоты, по всей вероятности превышающей удельный вес рыболовства. Об этом же косвенным образом говорят и особенности ландшафтной приуроченности памятников, большинство из которых локализовано на площадях, занятых лесной растительностью. Как показывает практика, подобные участки наиболее благоприятны для существования популяций промысловой фауны: мелкой боровой дичи, ряда представителей семейства копытных и др.

Итоги изучения Ингальской долины показывают, что тип расселения групп, хозяйство которых основывалось на рыболовстве (андреевская культура эпохи энеолита, имбиряйские древности начала бронзового века), в минимальной степени зависел от ландшафтного окружения, определяясь особенностями гидрологической сети [Волков, 2007, с. 83].

Специфика расположения памятников байрыкско-лыбаевской культуры предоставляет дополнительные сведения об особенностях рыболовства. Абсолютное большинство поселков северной лесостепи приурочено к старицам и малым рекам (Боровая Ингала, Абицер и др.), в которых и осуществлялась добыча основной части ихтиофауны. В подтаежной полосе рыболовство было связано с озерами (Большое и Малое Андреевское, Грязное, Буторлыга и др.), о чем говорит приуроченность к ним большинства памятников. В зоне южной тайги байрыкско-

лыбаевские популяции вели лов рыбы как на озерах (Ипкуль, Шапкуль и др.), так и на реках, в основном малых (Тап, Иска и др.).

Изменение историко-культурной ситуации в регионе на рубеже раннего и позднего энеолита, связанное с появлением андреевского населения, вероятно, повлекло за собой перераспределение удельного соотношения охоты и рыболовства. Результаты изысканий свидетельствуют, что при разведении экономических интересов конкурирующих сторон, призванном обеспечить мирное сосуществование разнокультурных популяций, байрыкско-лыбаевские группы сосредоточились преимущественно на ведении хозяйства охотников при подчиненной роли рыболовства. Андреевским населением, напротив, основной упор был сделан на рыболовный промысел при подчиненном значении охоты (см., напр. [Волков, 2007, с. 79]).

Третий этап изменения ландшафтно-климатической ситуации в эпоху энеолита, сопряженный с существенной аридизацией, начавшийся около 4500 л.н. [Зах, Рябогина, 2005], не находит отражения в археологическом материале и принципах землепользования. Подобные изменения фиксируются лишь на рубеже энеолита и эпохи бронзы, в конце III тыс. до н.э. Скорее всего, середина III тыс. до н.э. маркирует начало процесса, последствия которого сказались позднее.

Реконструированная модель нуждается в проверке по этнографическим материалам. Наиболее подходящими для этого являются хозяйственные комплексы обско-угорского населения Западной Сибири. До прихода русских данные группы практиковали два основных типа хозяйства: глубинно-таежный и приречно-таежный (см., напр. [Адаев, 2007, с. 89]). Реконструируемой ситуации наиболее соответствует глубинно-таежный комплекс, базирующийся на промысле копытных, а также включающий бобровую охоту, запорное и острогово-сетевое рыболовство. Для ведения хозяйства этого типа использовались озерно-речные долины с прилегающими лесами и болотными угодьями [Там же]. Система эксплуатации территории, с ее мелкогрупповой и индивидуальной практикой, определялась большой подвижностью населения, что, по мнению ряда этнографов, свидетельствует о кочевом образе жизни данных групп [Там же, с. 96, 97; Головнев, Перевалова, 1988]. Известны факты временного объединения общин, продиктованного производственными нуждами, в том числе для организации загонной охоты [Там же]. Не исключено, что стационарные, зимние энеолитические поселки отражают процесс подобной консолидации.

После завершения совместной деятельности коллектив распадался на несколько групп, которые вели обособленное существование. Для подобных общин были характерны широтные и долготные миграции с круговыми маршрутами. В течение года группы перемещались от одного сезонного поселения к другому. Число поселков варьировалось от двух до четырех. Амплитуда перекочевок составляла от 5–10 до нескольких десятков километров. Места сезонных поселков периодически менялись. Количественный состав населения лимитировался емкостью окружающей среды [Адаев, 2007, с. 98].

Данные этнографии хорошо соотносятся с реконструированной моделью, применительно к которой следует учитывать несовпадение географических ареалов угров и байрыкско-лыбаевского населения. Область расселения энеолитических популяций находится южнее ареала угорских народов, здесь меньше площадь лесов и отсутствуют большие реки (Обь и Иртыш), существенно ограничены природные ресурсы. Данный фактор, при отсутствии производящего хозяйства, сказывался на численности населения и принципах взаимоотношения с инородными группами. В силу меньшей залесенности и заболоченности Притоболье отличалось значительными коммуникативными возможностями, предполагающими высокую степень взаимодействия одно- и разнокультурных группировок.

Резюмируем вышеизложенное:

1. Хозяйство байрыкско-лыбаевских общин в различных географических областях базировалось на сходных принципах. Системообразующей отраслью являлась охота. Роль рыболовства варьируется в основном во времени. Снижение значимости промысла в хозяйстве фиксируется на рубеже раннего и позднего энеолита из-за появления в регионе андреевских племен.
2. Важными отраслями экономики являлись кожевенное производство и деревообработка.
3. Направление ресурсных связей эволюционировало от южно-уральского в раннем энеолите к среднеуральскому в позднем.
4. Носители культуры вели мобильный образ жизни. Наибольшей подвижностью отличалось население лесостепной, наименее заселенной части региона.
5. Отдельная община имела сеть поселков — долговременных зимних, вмещавших большой коллектив, и серию стоянок, функционировавших в теплый период. Последние объекты

существовали недолго и служили местом обитания небольшой группы, на время откалывавшейся от крупного сообщества. Наиболее «многолюдные» поселки характерны для южной тайги и подтайги. Передвижение «малых» групп осуществлялось по круговым маршрутам и определялось сезонами года.

6. Трансформация хозяйства и системы землепользования происходила под влиянием двух основных факторов — изменения состояния окружающей среды и появления нового населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адаев В.Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор Бук: Ин-т гуманитарных исследований ТюмГУ, 2007. 242 с.

Асташкин В.И., Асташкина О.В., Дрябина Л.А. Энеолитические комплексы поселения Велижаны-1 // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1995. С. 29–38.

Волков Е.Н. Боборыкинский комплекс поселения Двухозерное-1 // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 12–25.

Волков Е.Н. Энеолитический комплекс поселения Двухозерное-1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 4. С. 57–70.

Волков Е.Н. Комплекс древних и средневековых памятников Ингальская долина: (Хронология культур, принципы взаимодействия человека и окружающей среды в контексте тематики изучения археологических микрорайонов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2005. 31 с.

Волков Е.Н. Комплекс археологических памятников Ингальская долина. Новосибирск: Наука, 2007. 224 с.

Волков Е.Н. К проблеме изучения энеолитических культур Тюменского Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2009. № 11. С. 4–15.

Волков Е.Н. Энеолитический комплекс многослойного поселения Курья 1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2010. № 12. С. 15–26.

Волков Е.Н., Белослудцев А.М. Новые раскопки поселения Ипкуль-1 // АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры. Тюмень: ТюмГУ, 2005. С. 48–60.

Волков Е.Н., Матвеева Н.П. Исследование комплексов каменного и меднокаменного веков в Ингальской долине // Вестн. ТюмГУ. 2001. № 1, С. 86–90.

Волков Е.Н., Чукунова И.Ю. Энеолитический комплекс поселения Липихинское-5 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2006. № 7. С. 36–48.

Головнев А.В., Перевалова Е.В. Хозяйственные объединения у сибирских тундровых ненцев в XVII — начале XX вв. // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск: Тоб. пед. ин-т, 1988. С. 107–116.

Дрябина Л.А., Скочина С.Н. Орудийный набор святилища Велижаны 2 // АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры. Тюмень: ТюмГУ, 2005. С. 26–35.

Зах В.А. Шапкульские комплексы и керамика с гребенчато-ямочным и крупнонакольчатый орнаментом из Нижнего Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 4. С. 26–36.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 55 с.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: ОмГУ, 1991. С. 13–42.

Зах В.А., Рябогина Н.Е. Ландшафты и человек в среднем и позднем голоцене лесостепного Тоболо-Ишимья // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. № 4. С. 75–90.

Зах В.А., Скочина С.Н., Пархимович С.Г. Грунтовый могильник Чепкуль 21 на севере Андреевской озерной системы // Вестн. археологии, антропологии и этнографии: ИПОС СО РАН, 2005. № 6. С. 24–41.

Зах В.А., Фомина Е.А. К вопросу о происхождении андреевской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 14–21.

Ковалева В.Т. Энеолитическое поселение на Андреевском озере // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1977. С. 89–103.

Ковалева В.Т. Энеолит Среднего Зауралья: Андреевская культура. Препр. Екатеринбург: УрГУ, 1995. 62 с.

Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково-2. Екатеринбург: УрГУ, 1997. 132 с.

Хозяйство и система землепользования байрыкско-лыбаевского населения...

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: Поселение Андреевское озеро-13. Екатеринбург: УрГУ, 2000. 160 с.

Косинцев П.А. Хозяйство ташковской культуры // XIV Урал. археол. совещ. Челябинск, 1999. С. 82–83.

Матвеев А.В., Волков Е.Н. Исследование нео- и энеолитических памятников в Ингальской долине в 1998 г. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 124–125.

Матвеев А.В., Зах В.А., Волков Е.Н. Исследование энеолитического могильника Бузан-3 в Ингальской долине // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. Вып. 1. С. 156–158.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.

Ткачев А.А., Волков Е.Н. Энеолитический комплекс поселения Оськино Болото (по материалам раскопок 2007 г.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2007. № 8. С. 235–239.

Ткачев А.А., Волков Е.Н. Комплексы эпох неолита — раннего бронзового века поселения Плотинное // Вестн. археологии, антропологии и этнографии Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. Вып. 12. С. 27–38.

Усачева И.В. Сазык-9 — сезонное поселение эпохи энеолита в Тоболо-Исетском междуречье // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2002. С. 103–113.

Шорин А.Ф. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т: ИИА УрО РАН, 1999. 91 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
env2001@mail.ru

The article is devoted to reconstruction of economy and system of land use with bearers of the Eneolithic Bajryk and Lybaevo culture from the Tyumen Low Tobol basin. For solution of the set problem we used an algorithmic principle established on a successive use of results from several independent stages, basing on combination of humanitarian and scientific methods. We succeeded to establish that the economy and system of land use with bearers of the said culture was subject to evolution from earlier to later stages of development of the tradition, as well as those had their own distinctions in different natural and geographical zones.

Key words: *the Eneolithic, the Bajryk and Lybaevo culture, the Andreyevo culture, Low Tobol basin, forest and steppe, under taiga, south taiga, spore and pollen method, ethnography, field observations, trasology, settlement, burial ground, sanctuary, osteology, landscape, hydrological confinedness, geomorphology, terrace, remnant, the Andreyevo lakes, the Ingalsky valley, the Ob Ugrians, clay sand, loam, soil, landscape, climatic change.*